

Coney Island History Project Oral History Archive

Interviewee: Zinovy Pritsker

Interviewer: Mark Markov

<http://www.coneyislandhistory.org/oral-history-archive/zinovy-pritsker>

Content © 2016 Coney Island History Project.

Все материалы на сайте Исторического проекта Кони-Айленда защищены авторским правом и не могут быть использованы без разрешения.

Марк Марков – Сегодня 21 апреля 2016. Я [Марк Марков] беру интервью у Зиновия Прицкера для Проекта Истории Кони-Айленда.

Расскажите о том, как вы жили до того, как вы переехали в Америку: чем вы занимались? Где вы работали?

Зиновий Прицкер – Я жил в Ленинграде; работал музыкантом в оркестре, и с этого жил. У меня была квартира. Я был женат. У меня был мальчик – сын Женя. Вот так мы жили в Ленинграде.

ММ – Где вы работали?

ЗП – Сначала я работал в оркестре, такой был оркестр Батхина. «Оркестр Ленинского комсомола» назывался [смеется]. Поэтому его не расформировывали никогда. А потом, когда я уже женился, мне нужно было покупать квартиру кооперативную. Я ушел работать в ресторан. В Ленинграде был ресторан – назывался «Садко» в «Европейской» гостинице [«Гранд Отель Европа»]. И проработал много лет там музыкантом – почти до отъезда. Я был руководителем этого оркестра и играл на саксофоне и на кларнете.

ММ – Расскажите о том, какая музыка вас интересовала тогда.

ЗП – Меня всегда интересовал только джаз и больше ничего. Ну, я слушал с удовольствием и занимался классической музыкой. Я очень люблю классическую музыку. Еще мне приходилось когда-то работать в симфоническом оркестре. Но в основном, в последние время, я слушал джаз и занимался джазом.

ММ – Это было принято?

ЗП – Среди музыкантов – да, конечно. Было много музыкантов, замечательных музыкантов, которые играли джаз и много занимался джазом. В том числе и я.

ММ – А как власти на это смотрели?

ЗП – То, что я дома занимался джазом – об этом в прицепе никто не знал. Я думаю, что даже если они и знали – может, они и знали – это не особенно их интересовало, потому что были разные... был даже клуб такой при дворце культуры. Я, к сожалению, не помню сейчас, как он (дом культуры) назывался. [Клуб] назывался клуб «Квадрат». Приходили музыканты и играли в джаз. Это был чисто—сами люди создали это, и сами это делали. Мы играли джаз даже в ресторане. В первом отделении мы играли.

ММ – Расскажите о том, когда в первый раз услышали джаз.

ЗП – Джаз я услышал первый раз, еще когда я был мальчишкой, потому что мой отец музыкант был тоже. Он играл на трубе. Он был очень хороший музыкант. Он любил джаз, и первый раз я еще ребенком услышал джаз.

ММ – Вы первый раз услышали вживую?

ЗП – Джаз я первый раз услышал, да, живьем. Играли русские музыканты – моего отца оркестр играл. И они играли джазовую музыку, которую играют в Америке. В то время это все снимали с таких рентгеновых пленок. Потому что пластинок, конечно, и никаких записей не было. Очень много мой отец слушал «Голос Америки». Там был такой комментатор [Уиллис] Коновер – джазовый комментатор. Там было полчаса, или сорок минут (сейчас не помню) была джазовая передача [«Час Джаза»] – ее очень много слушали. А многие переписывали оттуда музыку на эти рентгеновские пленки. А потом уже отдельно слушали. Когда я стал старше, я стал снимать и подражать этому.

ММ – И как они еще назывались?

ЗП – Ну, назывались пленки на костях. Но это вообще [смеется] — потому что там были кости человеческие, рентгенов снимки. Как на них писали, к сожалению, я не помню. Не знаю, я даже не интересовался никогда. Просто у меня они были, и я снимал. Потом, конечно, я позже у меня стали появляться пластинки. Я слушал пластинки.

ММ – От фарцовщиков?

ЗП – Пластинки? Да... Кому-то присылали, или кто-то привозил из-за границы: так я думаю. Тогда можно было купить. Не было так чтобы везде продавалось. Надо знать было, кого и где купить, или как переписать. Магнитофоны уже появились тогда. Можно было на магнитофон переписать. У меня был какой-то советский магнитофон. Там переписывали – можно было уже слушать. Потому что лично я застал эти пленки рентгеновские, может быть, лет пять или года четыре, три. А потом уже все-таки появились какие-то пластинки, магнитофоны – записывали на магнитофон прямо с «Голос Америки». Хотя его все время глушили, и было тяжело записать, но все равно мы умудрялись записывать и снимать эту музыку.

ММ – Вы ходили в лес, чтобы слушать радио?

ЗП – Нет. У моего отца был приличный приемник коротковолновый, который ловил эту музыку все-таки—ловил эту станцию, то есть.

ММ – Вы можете рассказать немножко о фарцовщиках?

ЗП – О фарцовщиках? Я никогда не сталкивался с фарцовщиками, но на Невском проспекте ходили люди – парни ходили (даже девчонки фарцовали), которые знакомились с разными иностранцами, и меняли у них джинсы на какую-нибудь балалайку ширпотребную или на матрешки и разное такое. Потом это перепродавалось. Кто как. Я просто видел, как это [происходит]. Это же все делалась очень, как говорят «в тихаря», чтобы не видели люди. Там были тоже *undercover police* – милицейский *undercover*. То есть КГБ. Но они всех знали. Кому-то разрешали, кому-то нет, наверно. Я не в курсе дела, откровенно говоря.

ММ – Когда вы решили—как у вас получилось уехать из Советского союза?

ЗП – Я где-то уже в семидесятых годах думал, что надо уезжать, потому что ребенок у меня – в 71-ом, 72-ом уже ребенок родился. Я понимал, что будущего у него здесь [в Союзе] не будет с моей фамилией – еврейской. Я хотел уехать раньше, но у нас не получалось по разным причинам домашним. Но в 78-ом году мы иммигрировали, и я уехал в Америку с женой и с ребенком.

ММ – Как вы к этому подготовились?

ЗП – Ничего специально я не готовился. Квартиру кооперативную мы продали за те деньги, которые она стоила. Деньги девать было некуда, потому что с собой можно было поменять русские рубли по-моему на 120 долларов американских. Значит, мы трое: это 360 долларов. А остальные деньги я отдал сначала маме с папой, сестре. Что прогуляли – просто прогуливали [смеется]. Куда их деть? Мы не покупали особенно ничего с собой. Но я купил себе какие-то фотоаппараты, какие-то простыни. Мы взяли что-то немножко с собой. И я прекрасно понимал что это все ерунда, конечно. Но все везли, и мы подумали, на первое время, может, продадим. Какие-то деньги нужны будут. Все-же мы с ребенком ездили. Это же важно. Ну вот так.

Мы ехали через Австрию. В Австрии мы попали на еврейские праздники, и там были почти месяц. Жили в гостинице. Потом мы жили полтора месяца в Италии. Вот в Италии это все мы и продали – за копейки какие-то отдали. Но все равно, какие-то деньги нужны были. Хотя ХИАС, или какая там организация, она давала деньги, но этого было недостаточно.

ММ – Вам дали взять с собой инструмент?

ЗП – Да! Я взял с собой и кларнет, и саксофон. К сожалению, мой саксофон – у меня был американский саксофон – они не выпустили, но я купил просто на первое время какой-то чехословацкий саксофон. Тот продал. К сожалению, не выпустили. А кларнет, нет.

ММ – Расскажите о том, как вы стали работать настройщиком.

ЗП – Перед тем, как уехать, я прекрасно знал (мне дали информацию), что работать музыкантом, тем более, джазовым музыкантом в Америке невозможно, потому что это большая конкуренция – первое. Второе, нет столько работы. Она эпизодическая работа. Нет такого, чтобы ты работал на *payroll* – постоянно получал зарплату. Она эпизодическая: от работы до работы. Здесь называется *from gig to gig*. В России просто называлось «от халтуры до халтуры» [смеется].

Но у меня семья, ребенок. Надо платить за квартиру и все. И за три-четыре года, по-моему, я пошел учиться на настройщика рояля и пианино. Была специальная фабрика такая в Ленинграде в Апраксином дворе. Там была фабрика «Аккорд» по реставрации и ремонту роялей и пианино. И я туда ушел работать учеником. Днем я учился и вечером работал также музыкантом. К счастью, директор этой фабрики хорошо ко мне относился, давал мне справку на совместительство – так называлось тогда что ты имеешь право работать еще и вечером. Потому что это тоже проблема в России была в свое время. Ты не мог работать на разных работах. Вот так я выучился там, приехал сюда, и вот работаю много лет – уже 38 лет как настройщик. Если учитывать тот опыт, то почти сорок лет.

ММ – Как вы здесь начали?

ЗП – Как я начал работать настройщиком? Я пошел работать: первый мой работодатель был Фрэнк Лапьяно – итальянец. Он держал компанию, и я к нему пришел работать. В то время, кстати, хочу сказать, что было так: один учит язык, а второй идет работать. Так что моя жена пошла учить английский – что естественно – она женщина. А я пошел работать, зная по-английски «*Hi! Bye!*». *That's all*. Больше ничего я не знал. Ну, может, еще два слова. И когда я

пришел работать, мне просто пальцами показывали: надо делать это, и делать это, и я выполнял работы. К счастью, моего опыта хватило для того, чтобы я мог работать настройщиком и ремонтником на этой фабрике маленькой. Я у него начал работать. Потом я ушел на Стейнвей, где я работал недолго, потому что, конечно, там было для меня очень сложно. Все же я работал музыкантом в России. А там нужно было приходиться к восьми часам на работу, и работать восемь часов, при том что на тебя при этом все время смотрит *foreman*, и еще какие-то начальники. Там был *union*; *union* тоже наблюдает за тобой. Работа была довольно неинтересная на операции регулировки роялей и пианино. То есть, постоянно одно и то же. Это очень серьезная работа для настройщика. Но она была [однообразная]. Новые инструменты надо было делать, одно и то же постоянно. Это первое. Я почти не настраивал. Только регулировкой занимался, что меня не очень-то волновало. Там я мог бы заработать себе хорошую пенсию и все, но ездить в Куинс из Бруклина (в Астории это фабрика находится) было довольно сложно.

И к тому же я еще вечерами играл в оркестре. Первая моя работа в оркестре была в польском оркестре. И я играл в польском оркестре. Они неплохо платили по тем временам. Мне было все равно, где играть, потому что мне нужны были деньги. Вот я играл в польском оркестре, и днем я работал настройщиком, регулировщиком. Я ушел со Стейнвей, и ушел уже потом в другую компанию работать. Много лет проработал в Pro Piano Company, где дают самые лучшие инструменты в мире в рент на концерты: в Карнеги-холл или Эвери-Фишер-холл. И я работал, обслуживал эти инструменты, делал настройки. К тому же, они давали хорошие инструменты в частные руки, и мне приходилось ходить по квартирам настраивать инструменты.

Вот так я проработал много лет, а потом открыл свою компанию, которая называется Piano Craft Company. До сих пор так она и называется. Сначала она была в Бруклине на Бэй-Ридж авеню. У нас были и новые инструменты, и *rebuilt*. То есть, старые инструменты, которые мы реставрировали и продавали. В то время стали приезжать—это были уже восьмидесятые года – скажем, восемьдесят пятый, восемьдесят шестой (не помню). Стали приезжать много людей, большая иммиграция. Ко мне стали приходиться много настройщиков советских – из России, то есть. И я их уже учил, и они со мной вместе работали. Все они устроились, стали известными настройщиками в Америке, в Нью-Йорке.

ММ – Когда вы перестали в фабрике работать?

ЗП – Фабрику я перевез потом в Манхеттен на Вест 29 стрит. А фабрику мы закрыли после 9/11, потому что бизнеса совсем не стало, и содержать фабрику стало тяжело и дорого. Я закрыл фабрику, и стал работать сам на себя. Компания также существует: только я работаю – и я, и моя жена. Она делает *букинг*, телефон. А я работаю – настраиваю рояли и пианино, настраиваю. Мелкие работы, иногда большие работы делаю: просто у меня больше нет такого *utility*. Делать большие работы я отдаю своим приятелям, которые имеют это. Они это для меня делают.

ММ – Расскажите, пожалуйста, о вашем оркестре. Как он начался, и что вы сейчас играете?

ЗП – Оркестр начался примерно 20 лет назад, может быть, 18. Не помню точно. Мы с моим знакомым—он дантист, Доктор Марк Розин, – еще его помню по Ленинграду. Он работал дантистом и немного музыкантом в оркестре. Мы решили сделать оркестр. Сначала мы решили сделать маленький оркестр, но так как в Нью-Йорке оказалось много русских музыкантов, которые нигде не играют, пришло много народу. Мы отобрали лучших и сделали джаз биг-бэнд – это где-то 17-18 человек оркестр. Он и сейчас существует. Поменялись люди: кто-то умер, кто-то стал старым и уехал. Очень хороший музыкант уехал жить Калифорнию – Пьер Бланштейн. А кто-то умер, потому что люди уже были в достаточно взрослом возрасте – 50 и больше. Время прошло. Но оркестр существует до сих пор. Это русские музыканты плюс три-четыре человека – американцы. Тех, кого не достает, мы взяли американцев.

Чем занимается оркестр? Оркестр играет популярную джаз музыку – с пятидесятих годов до сегодняшних дней – то, что пишут для таких оркестров. Это примерно, как оркестр Томми Дорси, или Дюк Эллингтона, или Каунт Бейси. Вот такую музыку мы играем. Это не такой оркестр, конечно [смеется], но такую музыку мы играем. И очень много танцевальной музыки, которая была популярна в пятидесятих годах в Америке. Тогда это было очень популярно. Репетируем мы каждый вторник. Для того, чтобы репетировать, надо иметь помещение. Доктор Марк Розин имеет свой офис на Ист 13 Стрит в Бруклине. Там есть подвал. Он не очень большой, но мы все помещаемся. Каждый вторник мы там репетируем. Следующая работа у нас 17 числа: в Манхеттене мы играем в клубе. У нас есть вокалистки – очень знаменитая вокалистка Нина Бродская. Она была очень популярная в России певица. Она озвучила много фильмов, работала у Эдди Рознера в свое время. Лев Пищик тоже работал у Эдди Рознера и в других ансамблях известных, знаменитых – он был популярный певец тоже. У нас есть более молодая певица Барбара (она тоже из Москвы). Она очень хорошо поет. Она поет очень много современной музыки джазовой, хорошо импровизирует. Вот в принципе это все. Я пишу очень много аранжировок, и для вокалистов, и для оркестра – просто музыку для оркестра. Очень много аранжировок мне дают мои друзья американцы. Вот так существует этот оркестр. Каждый вторник мы репетируем там. Все очень счастливы [смеется].

ММ – Расскажите о том, куда вы именно в Нью-Йорк переехали, когда вы приехали в Америку, и в каких районах вы жили, и как они изменились.

ЗП – Мы жили сначала на Кортелью-роуд. Я взял квартиру в рент. Это была моя первая квартира, после того, как из гостиницы мы выехали. Тогда это квартира (двух-бэдрумная) стоила 250 долларов, что было очень дорого. Ну, это был 78-9 год. Со временем, моя жена нашла – называлось Шипсхед-Бей Проджектс [Sheepshead Bay Projects]. В основном, там жили итальянцы и евреи. Это был очень чистый и красивый проджект, ухоженный. Мы переехали туда жить, и квартира стала стоить 90 долларов (двух-бэдрумная). Это значительно меньше по тем временам. Пятнадцать лет мы там прожили, и потом мы встали на очередь в Трамп Вилладж: это – субсидируемые квартиры, и получили здесь квартиру. Вот уже живем здесь много лет. Квартира эта перешла в кооператив. Здесь живем, потому что в проджекте

жить невозможно стало. [Мэр Дэвид] Динкинс поселил туда людей, которые жили с улицы, в основном пьяницы и наркоманы. Там жить больше невозможно стало: и еще ребенок маленький. Мы уехали жить сюда. Там родился у меня второй ребенок – девочка. У нас разница между детьми 13 лет. Как изменился район? Конечно, очень изменился район. Я считаю, что район, где живу я сейчас [Кони-Айленд], изменился в лучшую сторону. Он стал чище. Мы можем спокойно ходить гулять по бордвоку вечером. Там все время ходят полицейские: чувствуешь охрану. Район, где я раньше жил, стал хуже и хуже. Сейчас там, я думаю, уже невозможно жить. Очень изменился район. [Но] живут люди тоже.

ММ – А в плане парка аттракционов – это все-же тоже Кони-Айленд?

ЗП – Да, парк аттракционов замечательный, но мы почти не ходим туда, потому что дети выросли, имеют свои семьи. Иногда, когда внуки приходят, мы ходим туда на качелях покататься, или что-то такое. Но это бывает очень, очень редко. Или идем в Аквариум, когда его еще не перестраивали. Но это тоже очень редко. В основном, мы гуляем по бордвоку, или летом (у нас есть в Пенсильвании маленький домик) и мы туда уезжаем.

ММ – На дачу?

ЗП – Как на дачу, да.

ММ – Но когда у вас были дети поменьше, вы ходили туда сравнительно чаще?

ЗП – Сравнительно чаще, да. Но все равно, почти времени не было, потому что мой сын учился музыке. Он занимался, и надо было его каждую субботу возить в Манхэттенскую музыкальную школу. Потом, после школы, он всегда сидел, занимался на инструменте. Моя дочка тоже училась играть на рояле. Мы были в общем заняты. Музыка это то, что нас заставляло работать.

ММ – А когда вы купили дачу?

ЗП – Дачу мы купили лет семь назад. Абсолютно случайно нас взяли с собой в это место. Мы посмотрели, нам понравилось, и мы купили там маленький домик. Это даже не домик – это как трейлер: две спальни, кухонька, большой порч, потому что мы основное время проводим на порче; летом тепло. В домике только спим, и жена готовит.